

съ радостной вѣстью къ государю о новомъ примирительномъ поступкѣ Никона ¹. Въ Оерапонтовѣ ждали теперь важныхъ благодѣтельныхъ перемѣнъ въ судьбѣ опальнаго патріарха.

Но враги Никона не дремали. Какъ только они узнали, что Никонъ по прежнему называетъ себя патріархомъ, стремится къ возвращенію изъ ссылки и своими заявленіями о примиреніи можетъ подѣйствовать на впечатлительную душу государя и, чего добраго, добиться своей цѣли, они рѣшились принять свои мѣры. 9 апрѣля вскорѣ послѣ полученія царемъ радостной вѣсти о мирѣ съ Никономъ, восточные патріархи, все еще не уѣхавшіе изъ Москвы на свои кафедры, съ вновь избраннымъ русскимъ патріархомъ Іоасафомъ и другими случившимися въ Москвѣ архіереями, составили соборъ по дѣлу о Никонѣ, на которомъ рѣшили: «нѣкіихъ ради винъ перевести монаха Никона изъ Оерапонтова монастыря въ иной монастырь, въ дальней», архимандрита Іосифа и иныхъ служебниковъ, которые посланы къ нему, Никону, перемѣнить и послать взаменъ ихъ другихъ съ строгимъ наказомъ—не позволять Никону имѣть переписку и сношенія съ кѣмъ бы то ни было ². Но государь не согласился на столь строгое опредѣленіе собора и оно не было приведено въ исполненіе. Тѣмъ не менѣе эта попытка враговъ Никона ясно показывала, какъ въ дѣйствительности далеки были отъ осуществленія надежды Никона на освобожденіе изъ ссылки, при всемъ сочувствіи царя къ опальному патріарху.

III.

«Иже живъ сый, привмѣненный съ
нисходящими въ ровъ, сѣдай во тьмѣ
и сѣни смертнѣй, окованъ ничетою
паче желѣзъ, богомолецъ вашъ сми-
ренный Никонъ, милостію Бо-
жіею патріархъ».

Изъ письма къ царю п. Никона.

Никонъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Его заявленіе о примиреніи съ царемъ не принесло ему желанныхъ результатовъ. Изъ Москвы не было никакихъ из-

¹ Шушеринъ, 87.

² Дѣло о п. Никонѣ № 87.

вѣстій, какъ будто тамъ совсѣмъ забыли о еерапонтовскомъ заточникѣ. Тогда опальный патріархъ снова рѣшилъ напомнить о себѣ и воспользовался для этого средствомъ, которое въ старину было въ большомъ ходу. Монахъ Палладій, вернувшійся изъ Москвы въ Оерапонтовъ, рассказывалъ, между прочимъ, со словъ іеромонаха Іоилы, что бояринъ Богданъ Хитрово хочеть при помощи чаръ сдѣлаться первымъ бояриномъ у государя. Этотъ слухъ встревожилъ Никона: возвышеніе боярина, который былъ его злѣйшимъ врагомъ, помѣшало бы его освобожденію изъ ссылки. Вѣра въ силу колдуновъ и чародѣевъ была въ старину общераспространенной, сношеніе съ ними, по Уложенію, было однимъ изъ тяжкихъ преступленій. Обвиненіе въ колдовствѣ, какъ это видно изъ многочисленныхъ примѣровъ, не разъ бывало причиной ссылки самыхъ знатныхъ бояръ. Слухи о томъ, что Богданъ Хитрово знается съ чернокнижниками и ворожеями, давали Никону сильное орудіе противъ враждебнаго ему боярина, и онъ рѣшилъ имъ воспользоваться.

7 сентября онъ призвалъ къ себѣ архимандрита Іосифа, стрѣлцаго сотника Саврасова, еерапонтовскаго игумена, келаря и всѣхъ стрѣльцовъ и объявилъ имъ, что знаетъ великое дѣло государево «безголовное», что на Москвѣ измѣнники государевы хотять очаровать государя или очаровали и требовалъ подводы и провожатыхъ, чтобы отправить съ этимъ дѣломъ своего человѣка въ Москву. Всѣ согласились, кромѣ келаря Макарія, который не хотѣлъ давать подводъ, и сотникъ рѣшилъ было ѣхать. Приставъ Наумовъ, узнавъ о томъ, что происходитъ въ монастырѣ, сначала прислалъ сказать, чтобы никого не пускали и не давали лошадей, а скоро явился и самъ на конюшій дворъ съ ослопомъ, сотника и стрѣльцовъ хотѣлъ бить, взялъ лошадей подъ уздцы и кричалъ: «увиджу кто поѣдетъ, что онъ меня стращаетъ: я не малый ребенокъ; у меня есть великое дѣло и на самого патріарха, и мнѣ это дѣло надобно отпустить!» Никонъ хотѣлъ послать сотника и стрѣльцовъ въ Кирилловъ и тамъ взять подводу, но Наумовъ ихъ не пустилъ, крича: «моя въ томъ голова!» Но «слово и дѣло государево» въ тѣ времена имѣло магическую силу, всякій кто слышалъ о немъ и не доносилъ, куда слѣдуетъ, подвергался тяжелой отвѣтственности. Поэтому, какъ ни шумѣлъ приставъ, а все-таки не рѣшился задержать дѣла

и на другой же день отправилъ въ Москву своего челоуѣка съ стрѣльцомъ. Никона онъ велѣлъ заковать и около его кельи поставить семь карауловъ.

Въ октябрѣ Никону удалось послать въ Москву своего старца Флавіана съ письмомъ къ государю, въ которомъ онъ жаловался на поступокъ пристава, помѣшавшаго ему извѣстить въ Москву о великомъ дѣлѣ государевомъ ¹. «Иже живъ сый, писалъ здѣсь Никонъ, привмѣненный съ нисходящими въ ровъ, сѣдай во тьмѣ и сѣни смертнѣй, окованъ нищетою паче желѣзъ, богомолецъ вашъ смиренный Никонъ милостію Божіею патріархъ. Извѣщаю вамъ, великимъ государямъ, за собою великое ваше слово, а писать тебѣ нельзя. боюсь измѣнниковъ твоихъ; послыша такое твое большое дѣло, меня изведуть, а дѣло твое погаснетъ безъ вѣсти»: 20 октября чернецъ Флавіанъ былъ допрошенъ въ присутствіи царя и бояръ, въ чемъ именно состоитъ заявленное Никономъ дѣло государево.

Недалекій Флавіанъ не оправдалъ довѣрія Никона: на этомъ допросѣ онъ перепуталъ имена и приписалъ тайные происки, вмѣсто Хитрово, Ртищеву. Но вскорѣ получено было другое письмо Никона ², въ которомъ онъ уже прямо излагалъ дѣло и на основаніи словъ Палладія обвинялъ въ тайныхъ проискахъ и волшебствѣ боярина Хитрово. Это разногласіе въ разсказѣ Флавіана съ письмомъ Никона подрывало силу обвиненія. Между тѣмъ, Палладій и Іоиль, вызванные на очную ставку, отказались отъ своихъ словъ и утверждали, что никакого разговора о бояринѣ Хитрово у нихъ не было. При этомъ Палладій, сердившійся на Никона за то, что онъ выгналъ его изъ Оерапонтова, сдѣлалъ обидное для опального патріарха замѣчаніе: «вольно старцу Никону меня поклепать: онъ затѣвать умѣетъ».

Для того, чтобы разъяснить дѣло и допросить самого Никона, посланъ былъ въ Оерапонтовъ стрѣлецкій голова Юрій Лутохинъ. Никонъ разъяснилъ Лутохину непростительную ошибку своего неумѣлаго посла, старца Флавіана, и въ даль-

¹ См. это письмо у Соловьева XI, 379, 380.

² Это письмо, вѣроятно, было отправлено Никономъ съ стрѣлечкимъ головою Андреемъ Веригинымъ, который пріѣзжалъ въ Оерапонтовъ „для государевыхъ великихъ и страшныхъ дѣлъ“ и увѣхалъ оттуда до 21 октября, забравъ съ собою въ Москву одного старца. Чт. Общ. Ист. 158.

нѣйшемъ разговорѣ съ нимъ высказалъ горькое разочарованіе по поводу обманурыхъ надеждъ на освобожденіе. «Сказывалъ мнѣ Наумовъ, что меня великій государь пожалуетъ, велить взять въ Москву скоро, выманилъ у меня Наумовъ великому государю и его дому благословеніе и прощеніе тѣмъ, что государь меня пожалуетъ, велить изъ Оералпонта освободить и всѣ мои монастыри отдать. Терпѣль я послѣ того договора годъ два мѣсяца въ заточеніи и никакихъ клятвенныхъ словъ не говорилъ; впередъ еще мало потерплю, а если по договору ко мнѣ государственной милости не будетъ, то я по прежнему ничего государева принимать не стану и передъ Богомъ стану плакать и говорить тѣ же слова, что прежде говорилъ съ клятвою».

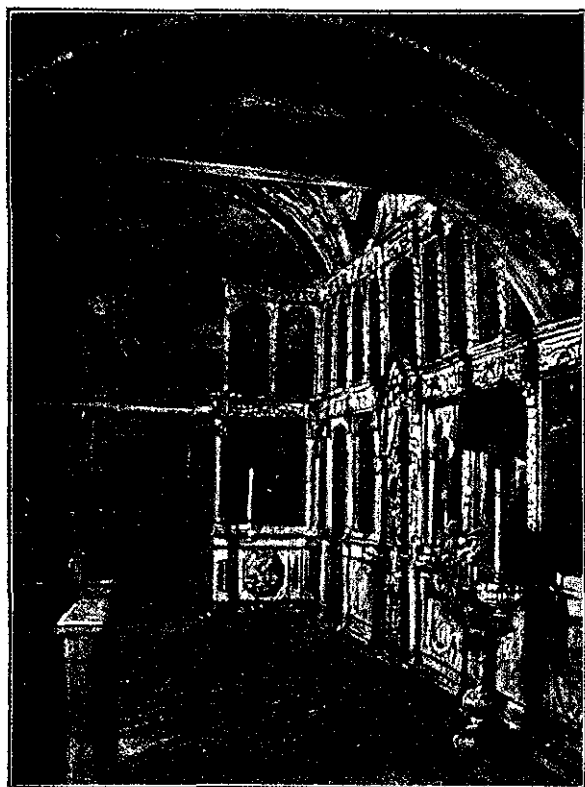
Лутохинъ допрашивалъ патріарха, правда ли что онъ самъ носить воду и рубить дрова, и просилъ дать роспись, чего ему не даютъ изъ кушанья. Никонъ отвѣчалъ, что дрова и воду онъ прежде носилъ за безлюдствомъ, а теперь не носить, а насчетъ содержанія жаловался, что ему ничего не даютъ, кромѣ щей да худого квасу. Приставъ и монастырскія власти въ свою очередь увѣряли, что у Никона всегда была свѣжая рыба и пиво, и показывали Лутохину садки съ рыбой. Никонъ говорилъ, что эта рыба изсидѣлась, такъ что ее и ѣсть нельзя, а свѣжей ему не привозятъ ¹. Наумовъ послѣ этого писалъ кирилловскимъ властямъ, что «старецъ Никонъ въ ихъ присылкахъ запирается, будто де онъ у ихъ присылщиковъ никакихъ запасовъ не принималъ прежь сего» и просилъ, чтобы впредь съ присылками посылали грамотнаго человѣка «для рукоприкладства къ роспискѣ» ². Какъ бы то ни было, но жалобы Никона имѣли основаніе: въ послѣдствіи самъ игуменъ Аѳанасій, уличенный Никономъ, сознался, что онъ давалъ ложныя показанія относительно содержанія Никона.

Лутохину показывали также кресты, поставленные Никономъ, съ надписями, въ которыхъ онъ называлъ себя патріархомъ. Но онъ не сдѣлалъ о нихъ никакого распоряженія. Его вниманіе было теперь привлечено другимъ болѣе важнымъ обвиненіемъ противъ Никона, которое заявилъ ему представленный къ патріарху архимандритъ Іосифъ. Давно желая вы-

¹ Соловьевъ, XI, 382.

² Чт. Общ. Ист. 153.

браться изъ Терапонтова, гдѣ, по его словамъ, онъ «животъ свой мучить, испытываетъ нужду и болѣзнь», и не получая отъ патріарха Іоасафа отвѣта на свои челобитныя, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ тому же «слову и дѣлу государеву», которымъ такъ неудачно хотѣлъ воспользоваться Никонъ. Онъ подаль

Внутренній видъ Богоявленской церкви, отведенной патріарху Никону въ Терапонтовѣ монастырѣ.

Лутохину челобитную, въ которой объявилъ за собою «страшное государево слово и дѣло, измѣну бывшаго патріарха монаха Никона и пристава Наумова». Принося такой извѣтъ, архимандритъ говорилъ, что ему теперь нельзя уже оставаться въ Терапонтовѣ «для того, что за такія великія страшныя дѣла погубять занапрасно и отъ того государеву дѣлу спона

и поруха будетъ большая»¹. 20 ноября Іосифъ былъ вызванъ въ Москву и доставленъ съ провожатыми въ приказъ тайныхъ дѣлъ. На допросѣ онъ разсказалъ слѣдующее. «Весною 1668 года были у Никона воры, донскіе казаки; я самъ видѣлъ у него двоихъ челоуѣкъ, и Никонъ мнѣ говорилъ, что это донскіе казаки и про другихъ сказывалъ, что были у него въ монашескомъ платьѣ, говорили ему: «Нѣтъ ли тебѣ какого утѣшенія, мы тебя отсюда опростаемъ». Никонъ говорилъ мнѣ также: «И въ Воскресенскомъ монастырѣ бывали у меня донскіе казаки и говорили: «если захочешь, то мы тебя по прежнему на патриаршество посадимъ, сберемъ вольницу, боярскихъ людей. Никонъ сказывалъ мнѣ также, что будетъ о немъ въ Москвѣ новый соборъ по требованію Цареградскаго патриарха: писалъ ему объ этомъ Аванасій Иконійскій»². Начались розыски по этому обвиненію. Монахъ Провъ донесъ, что Никонъ хотѣлъ бѣжать изъ Оерапонтова и обратиться къ народу съ жалобой на напрасное заточеніе.

Обвиненіе въ мятежныхъ замыслахъ противъ правительства доставило Никону чрезвычайно много непріятностей и ухудшило его положеніе въ ссылкѣ. Оно было, между прочимъ, причиною того, что не имѣло никакого успѣха полученное въ февралѣ 1669 года посланіе къ царю Алексѣю Михайловичу константинопольскаго патриарха Паренія, въ которомъ онъ просилъ царя возвратить Никона изъ ссылки въ свой монастырь³. вмѣсто того Никонъ былъ оставленъ въ Оерапонтовѣ подъ строгимъ карауломъ, который былъ усиленъ вновь присланными изъ Москвы стрѣльцами.

Но справедливо ли было московское правительство въ своихъ подозрѣніяхъ къ оерапонтовскому заточнику? — Въ это

¹ Николаевскій, 31.

² Соловьевъ, XI, 383.

³ См. у Гиббена II, 1116. „Буди царю совершеннѣйшій, писалъ патриархъ, милость имѣй всегда съ тобою... раздая къ требующимъ... отъ нихъ же единъ есть и много пренебрегомый Никонъ; довольно, довольно, царю милостивѣйшій изгнаніе толикое, и да приведши его молимъ тя, въ монастырь свой; довѣть едину наказанію сосланіе, не стужай вяще, молю, Бога, оставляя такого достойнаго челоуѣка въ толикое великое пренебреженіе, приведи, царю, крещаго благословенныхъ отрасли твоихъ, ни ни лѣнися, молю тя, о царю, вяще токмо елико скорость подай свобожденіе Никону, да приидеть въ монастырь свой, яко да радуется и вся вселенная, яже скорбитъ о немъ“.

время на Руси начиналось социальное движеніе, завершившееся грознымъ разинскимъ бунтомъ. Донскіе казаки, подготавливавшіе смуту, бродили повсюду, заходили и въ бѣлозерскія края. Для нихъ важно было привлечь на свою сторону низложеннаго патріарха, которому, какъ они знали, «тошно отъ бояръ» и они, дѣйствительно, дѣлали попытки склонить его къ мятежнымъ замысламъ. Самъ Никонъ рассказывалъ послѣ, что къ нему приходили три казака «сказались, будто они идутъ Богу молиться въ Соловецкій монастырь, а они не богомольцы, не въ Соловецкій шли, приходили они для меня, собравшись нарочно, звали меня съ собою, пришло ихъ двѣсти человекъ. Степана Наумова хотѣли убить до смерти, Кирилловъ монастырь раззорить и съ казною его, запасами и пушками хотѣли идти на Волгу». «Но я, говорилъ Никонъ, на ту ихъ воровскую прелесть не подался, во всемъ имъ отказалъ, отъ воровства ихъ унялъ и съ клятвою имъ приказывалъ, чтобъ великому государю вины свои принесли, и они пропали, невѣдомо куда».

Не смотря на отказъ Никона принять участіе въ мятежныхъ замыслахъ, казаки все таки потомъ воспользовались его именемъ. Въ своихъ прокламаціяхъ («прелестныхъ листкахъ») они объявляли народу, что съ ними, казаками, идутъ царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ (на самомъ дѣлѣ умершій), да Никонъ патріархъ. «И малоумные люди, писалъ Беренскій воевода, все то ставятъ въ правду, и отъ того пуцая бѣда и поколебаніе въ людяхъ»¹. На знаменахъ мятежниковъ были изображенія царевича Алексѣя и патріарха Никона². Сочувствіе казаковъ къ низложенному Никону обнаружилось, между прочимъ, въ характерномъ эпизодѣ убійства ими астраханскаго митрополита Іосифа: казаки не преминули тутъ вспомнить, что Іосифъ «снималъ санъ съ Никона патріарха».

Впослѣдствіи когда Стенька Разинъ былъ схваченъ, то «въ распросѣ у пытки и со многихъ пытокъ и съ огня» сказалъ, что къ нему въ Симбирскъ пріѣзжалъ старецъ отъ Никона и приглашалъ его идти вверхъ Волгою, куда навстрѣчу ему будто бы выйдетъ и Никонъ, потому что ему «тошно отъ бояръ, которые

¹ Соловьевъ XI, 434.

² По сообщенію Вирвгарта. См. Руцинскій. Религіозный бытъ рус. XVI—XVIII в. М. 1871, стр. 158.

переводятъ государскіе сѣмена». Старецъ говорилъ, что у Никона есть готовыхъ людей съ 5000 человекъ; «а тѣ де люди у него готовы на Бѣлѣозерѣ». Этотъ старецъ, яко бы присланный Никономъ, былъ и въ бою и на глазахъ Стеньки «исколоть своими руками сына боярскаго» и потомъ ушелъ изъ Симбирска. Если и придавать вѣру этимъ вынужденнымъ пыткой показаніямъ, то и въ этомъ случаѣ всего вѣроятнѣе предположить, что тутъ было просто злоупотребленіе именемъ опальнаго патріарха со стороны лихаго старца, разбойника въ монашеской рясѣ. Самъ Никонъ рѣшительно отрицалъ какія бы то ни было сношенія съ Разинымъ. Но именемъ Никона злоупотребляли мятежники, и этого было достаточно, чтобы при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ московское правительство съ подозрѣніемъ отнеслось къ опальному патріарху и усилило надъ нимъ надзоръ.

Предосторожность была не излишня: самъ патріархъ говорилъ, что «въ Оерапонтовѣ ему жить страшно, ибо монастырь не огороженъ»¹. Донскіе казаки и воровскіе люди, которые тогда не только свободно разгуливали на Бѣлѣозерѣ, но даже нерѣдко появлялись въ монастыряхъ подъ видомъ монастырскихъ служекъ², могли силой взять патріарха и увести его съ собою. По крайней мѣрѣ въ Оерапонтовѣ въ это смутное время далеко не все было благополучно и иногда случались довольно загадочныя событія. Такъ 22 января 1669 г. приставъ Наумовъ доносилъ въ Кирилловъ монастырь, что келарь Оерапонтова монастыря Макарій «учинился государеву указу силенъ и ему, Наумову, непослушенъ и нынѣшней ночи умысла и собрався наряднымъ дѣломъ съ монастырскими служками, да съ приходящими ворами, пьянымъ обычаемъ разбилъ государевъ караулъ: и сотника и стрѣльцевъ побилъ на голову»³. Въ іюнѣ стрѣлецкій сотникъ доносилъ, что въ ночь на 26 число «отъ старца Никона ушелъ изъ кельи пришлой

¹ См. Николаевскій, 42.

² Вотъ напр. характерный для того времени случай. Въ 1672 году черный попь Кириллобѣлозерскаго монастыря Иванъ подалъ архіепископу Симону извѣтную челобитную на старца Виталія въ томъ, что этотъ старецъ, служилъ на Волгѣ въ шайкѣ Разина и, придя оттуда въ Кирилловъ, звалъ съ собою на Вологду его, пона Ивана. См. Лѣтописъ занятій Археогр. Комиссіи 1861, вып. I, Протоколы стр. 32.

³ Чт. Общ. Ист. 154.

дьячекъ Сенька, жившій у него безъ указу государева больше года, а ушелъ, выломавъ доску въ выходѣ». За дьячкомъ была послана погоня, и приставъ Наумовъ говорилъ, что дьячекъ отпущенъ Никономъ съ какимъ-то умысломъ ¹. Въ это время охрана Никона была усилена вновь присланными изъ Москвы стрѣльцами. Стрѣлецкіе караулы были разставлены не только у кельи Никона, но и въ разныхъ мѣстахъ вокругъ монастыря и вдали отъ него «верстъ на пять и на шесть и на семь и больше». Всѣхъ приближавшихся къ монастырю задерживали и приводили къ приставу для обыска и допроса. У пристава была приказная изба, и онъ не разъ требовалъ изъ Кириллова монастыря «подъячихъ добрыхъ для письма государевыхъ дѣлъ Московскаго отпуску». Лицъ, казавшихся подозрительными, брали подъ арестъ и отправляли въ Москву въ приказъ тайныхъ дѣлъ. Начиная съ 1668 по 1670 годъ изъ Оерапонтова монастыря, то и дѣло, отправляютъ въ Москву колодниковъ и разныхъ оговоренныхъ по розыску лицъ. Приставъ Наумовъ постоянно требовалъ изъ Кириллова монастыря подводъ и провожатыхъ людей для отсылки арестованныхъ лицъ въ Москву ².

Можно себѣ представить, сколько безпокойства и нравственныхъ мученій доставило впечатлительной душѣ Никона подозрѣніе въ государственной измѣнѣ, сопровождавшееся строгимъ заключеніемъ его самага, а также арестами и допросами разныхъ лицъ. Приставъ сталъ обращаться съ нимъ съ прежней грубостью: «почаль, какъ писалъ потомъ Никонъ, всякою нуждою нудить голодомъ и холодомъ, о чомъ ни пошло ково, и онъ Степанъ къ себѣ не пустилъ; а коли и выглянетъ въ окно и на нашего посланника кричить, вопить и матерны лаеть и бить хочеть и ходить къ себѣ не велить; а говорить: «полно-де, прихотей тѣхъ пора-де покинуть; ѣшь-де что дадутъ»; а мнѣ не даютъ ничево, и тѣ посланные отъ насъ приходять отъ него плачучи и впредь ходить къ нему Степану для нашихъ нуждъ не хотятъ; а у насъ ни хлѣба, ни соли, ни дровъ во многія времена не было» ³. Тяжелыя усло-

¹ Тамъ же, 155, 156.

² Тамъ же, 153—157.

³ Письмо Никона царю въ мартѣ 1872 года, см. у Николаевского 4б, примѣч.

вія жизни въ связи съ нравственными потрясеніями расшатали крѣпкое здоровье патріарха. Отъ недостатка движенія онъ заболѣлъ цынгой, въ лѣвой рукѣ сдѣлался параличь. «А я богомолецъ вашъ, жаловался потомъ царю Никонъ, за тѣ ево Степановы караулы одва со всякія нужды не умерь, а съ тѣхъ мѣсть оцѣнжалъ и одряхлѣлъ и своимъ нуждамъ не могу спострадать»¹. Одно время Никонъ такъ сильно занемогъ, что приставъ Наумовъ писалъ въ Кирилловъ монастырь, что «старецъ Никонъ волею Божіею заскорбѣлъ гораздо» и желаетъ исповѣдаться и приобщиться, и приглашалъ архимандрита Никиту, который былъ духовникомъ опальнаго патріарха, немедленно пріѣхать въ Оеропонтовъ. Но эта болѣзнь Никона была непродолжительна: спустя 5—6 дней онъ снова дѣлаетъ хозяйственныя распоряженія².

Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, повидимому, не хотѣлъ вѣрить слухамъ объ измѣнѣ бывшаго «собиннаго» друга и продолжалъ относиться къ нему съ уваженіемъ и мягкостью. 3 марта 1669 скончалась царица Марья Ильинична. Разсылая по монастырямъ и церквамъ милостыни за упокой души любимой супруги, царь не забылъ и опальнаго патріарха, бывшаго когда-то близкимъ другомъ царской семьи, спасшимъ ее отъ моровой язвы. Въ Оеропонтовъ былъ посланъ окольнічій Родіонъ Стрѣшневъ съ милостыней Никону въ 500 рублей. Въ это время Никонъ находился уже подъ строгимъ карауломъ, разочарованный въ своихъ надеждахъ на освобожденіе. Недовольный царемъ, онъ не принялъ царской милостыни, говоря, что онъ и безъ денегъ долженъ поминать почившую царицу³. Стрѣшневъ «упорно» просилъ его принять деньги, но патріархъ настоялъ на своемъ и при этомъ, многозначительно прибавилъ: «послѣ смерти царицы будетъ другая бѣда не меньше, а послѣ этой еще хуже будетъ: мнѣ это объяв-

¹ Тамъ же.

² Эту болѣзнь Никона арх. Варлаамъ отнесъ къ 10 дек. 1670 года (Чт. Общ. Ист. 148), между тѣмъ какъ изъ другого мѣста его статьи ясно, что отписка Наумова отмѣчена была 10 дек. 7178 (1669) г. стр. 156.

³ «Я у васъ государей не наемникъ, писалъ послѣ Никонъ царю, за вашу милость долженъ и такъ Бога молить, какъ и молю.. по государцѣи царицѣ во всю Четырдесятницу исалтырь и канонъ пѣлъ и поминяю до днесь не забытно». Письмо Никона царю въ декабрѣ 1671 г. см. у Соловьева XI, 387.

лено отъ Господа Бога». «А говорилъ я эти слова сердито, сознавался послѣ Никонъ, досаждая великому государю»¹. Какъ бы то ни было, слова Никона оказались пророческими: черезъ три мѣсяца послѣ смерти царицы умеръ царевичъ Симеонъ, и въ томъ же году нѣсколько мѣсяцевъ спустя другой царевичъ Алексѣй, а въ слѣдующемъ году разразился страшный казацкій бунтъ.

Смерть наслѣдника престола Алексѣя Алексѣевича была печальнымъ обстоятельствомъ для опальнаго патріарха, который возлагалъ на царевича надежды на освобожденіе. «Когда къ Степану (Наумову) вѣсть пришла, что сына твоего царевича Алексѣя не стало, писалъ потомъ царю Никонъ, то дѣвка его пришла въ другую избу и говорила: «нынѣ на Москвѣ кручина, а у нашего боярина радость, говорить: теперь нашего колодника надежда вся погибла, на кого надѣялся, и того не стало, кротче будетъ»².

Спустя почти два года послѣ смерти своей первой супруги, Алексѣй Михайловичъ вступилъ во второй бракъ съ Натальей Кирилловной Нарышкиной (22-го января 1671 года). Привыкшій дѣлить съ Никономъ скорби и радости своей семейной жизни царь и на этотъ разъ не обошелъ вниманіемъ своего бывшего «собиннаго» друга. Онъ отправилъ въ Оеропонтовъ своего стольника Ларіона Абрамовича Лопухина и послалъ съ нимъ свадебные подарки опальному патріарху: «700 рублей денегъ, три мѣха — соболій, лисій и бѣличій, сукно и тафту черныя, 15 штукъ полотень добрыхъ тонкихъ, 20 полотенець»³. На этотъ разъ царскіе подарки встрѣтили благосклонный пріемъ со стороны оеропонтовскаго заточника. Никонъ съ благодарностью принялъ дары, велѣлъ пѣть молебень о царскомъ многолѣтномъ здравіи и тотчасъ послалъ письмо государю, въ которомъ благодарилъ за присланную богатую милостыню и высказывалъ разныя благожеланія царской семьѣ⁴.

Но вотъ окончилась и самая смута, въ тайномъ содѣйствіи которой враги обвиняли Никона. 24 апрѣля 1671 года Стенька Разинъ былъ схваченъ и увезенъ въ Москву для

¹ Соловьевъ, XI, 390.

² Тамъ же 387.

³ Шупернинъ, 90.

⁴ См. Николаевскій 86, 37.

пытокъ и казни. Вездѣ по указу государя служили благодарственные молебствія Богу за прекращеніе смуты. Өерапонтовскій заточникъ не представлялъ уже теперь опасности для московскаго правительства и могъ надѣяться на облегченіе своей участи. Въ іюнѣ 1671 года на смѣну Степана Наумова прибылъ въ Өерапонтовъ новый приставъ — стольникъ князь Самойло Никитичъ Шайсуповъ съ новыми стрѣльцами. Но указа объ облегченіи участи патріарха онъ не привезъ: Никонъ по прежнему содержался въ строгомъ заключеніи. Въ своихъ бесѣдахъ съ новымъ приставомъ Никонъ указывалъ на то, что недавнія бѣдствія—смерть царевича Алексѣя и казацкая смута были имъ предсказаны еще въ разговорѣ съ царскимъ посломъ Родіономъ Стрѣшневымъ. «Да и впредь, добавлялъ онъ, если вселенскихъ и московскаго патріарховъ на весь православный россійскій народъ безразсудная запретительная клятва не снимется, добра ждать нечего». Опальный патріархъ подчеркивалъ также свою вѣрность государю, выразившуюся въ томъ, что онъ не подался на воровскую прелесть казаковъ, во всемъ отказалъ, отъ воровства ихъ унялъ и съ клятвою имъ приказывалъ, чтобы великому государю вины свои принесли. Жалуясь приставу на тяжесть своего заключенія, Никонъ просилъ его написать государю. Шайсуповъ писалъ въ Москву въ приказъ тайныхъ дѣлъ, просилъ себѣ указа, но отвѣта ему не было.

Прошло полгода. Никонъ рѣшился опять напомнить о себѣ государю и въ самый день Рождества, 25-го декабря 1671 г., послалъ въ Москву своего іеродіакона Мардарія съ письмомъ къ государю ¹. Письмо это замѣчательно по своему кроткому примирительному тону: суровый патріархъ, утомленный долгимъ заточеніемъ, уже не грозитъ царю, а смиренно просить у него прощенія за свои дерзкіе рѣчи и поступки. Онъ напоминаетъ въ письмѣ свои отношенія къ царю, начиная со времени возведенія на патріаршество и въ послѣдующее время, когда между ними «по навѣтамъ враговъ возросла великая смута». Чистосердечно сознаваясь въ томъ, что онъ много разъ досаждалъ государю, говорилъ ему на соборѣ прекословно и досадно, не принималъ присланныхъ отъ царя даровъ и тѣмъ его безчестилъ, Никонъ просилъ государя простить его «ради

¹ См. это письмо у Соловьева XI, 384—387.

родшагося Христа». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ описываетъ свое бѣдственное положеніе въ ссылкѣ слѣдующими словами «Ради всѣхъ этихъ моихъ винъ отверженъ я въ Оерапонтовъ монастырь шестой годъ, а какъ въ кельѣ затворенъ — тому четвертый годъ. Теперь я боленъ, нагъ и босъ, и креста на мнѣ нѣтъ третій годъ, стыдно и въ другую келью выйти, гдѣ хлѣбы пекутъ и кушанье готовятъ, потому что многія части зазорныя непокрыты; со всякой нужды келейной и недостатковъ оцѣнжалъ, руки больны, лѣвая не подымается, на глазахъ бѣлзма отъ чада и дыма, изъ зубовъ кровь идетъ смердящая и [они] не терпятъ ни горячаго, ни холоднаго, ни кислаго, ноги пухнуть, и потому не могу церковнаго правила править, а попъ одинъ и тотъ слѣпъ, говорить по книгамъ не видитъ; приставы ничего ни продать, ни купить не дадутъ, никто ко мнѣ не ходитъ и милостыни просить не у кого». Жалуясь на суровое отношеніе къ себѣ прежняго пристава Наумова и новаго — Шайсупова, Никонъ проситъ государя облегчить тяжесть заключенія. «Прошу тебя, заканчиваетъ свое письмо Никонъ, ослаби ми мало, да почию, прежде даже не отыду, прошу еже жити ми въ дому Господни во вся дни живота моего».

Письмо, написанное въ такомъ кроткомъ и примирительномъ тонѣ, не могло остаться безъ вліянія на впечатлительнаго государя. Тотчасъ по полученіи его царь отправилъ въ Оерапонтовъ двухъ пословъ къ Никону стрѣльческаго голову Иларіона Лопухина и подъячаго приказа тайныхъ дѣлъ Артемія Степанова. Послы пріѣхали въ Оерапонтовъ 18 января 1672 года и, явившись къ Никону, привѣтствовали его отъ имени государя, называя опальнаго патріарха «святымъ и великимъ отцемъ», и поднесли ему государеву милостыню — деньги, мѣха, рыбу. Согласно царскому наказу Лопухинъ держалъ предъ Никономъ рѣчь, которая была отвѣтомъ на письмо послѣдняго къ государю. «Государь, говорилъ между прочимъ царскій посолъ, съ самаго начала желалъ умиренія, а теперь всякія враждотворенія паче прежняго разрушить и во всемъ примиренія съ любовію желаетъ и самъ прощенія просить. Досадныхъ словъ отъ тебя къ государю никакихъ не бывало: изволь помятовать. Посланъ ты въ Оерапонтовъ монастырь вселенскими патріархами и соборомъ, а не государемъ; дворянинъ и стрѣльцы посланы съ тобою для твоего береженія, а не для утѣшенія; если же Степанъ Наумовъ какое тебѣ

утѣсненіе чинилъ, то онъ дѣлалъ собою, а не по государеву указу, и про это приказалъ государь сыскать». Посоль коснулся въ своей рѣчи и подозрѣній, лежавшихъ на Никонѣ въ сношеніяхъ его съ воровскими казаками и Стенькою Разинымъ. «Пророчества, какія ты говорилъ князю Шайсунову, узналъ ты не отъ Господа Бога, а отъ воровскихъ людей, которые къ тебѣ пріѣзжали; надобно думать, что то смятеніе и кровопролитіе сдѣлалось отъ нихъ. Если бы ты хотѣлъ всякаго добра по Христовой заповѣди, то ты бы про такое великое дѣло не умолчалъ, и тѣхъ воровскихъ казаковъ велѣлъ переловить, а трехъ человекъ можно было тебѣ поймать. Ты объяви теперь обо всемъ подлинно, а то просишь у государя всякой милости и прощенія, а самъ къ нему никакой правды не объявишь».

На эту рѣчь царскаго посла Никонъ отвѣчалъ своей рѣчью, въ которой возражалъ по порядку на сдѣланныя ему замѣчанія. Въ началѣ онъ благодарилъ государя за милость, заявлялъ, что желаетъ прощенія отъ государя и самъ его во всемъ прощаетъ и просилъ не вѣрить навѣтамъ враговъ. «Престоль я свой оставилъ, говорилъ патріархъ, и паки было возвратился — дѣло не новое: и прежніе вселенскіе патріархи престолы свои оставляли и назадъ возвращались. Я своего прежняго сана не взыскую, только желаю великаго государя милости. Соборъ патріарховъ Паисія и Макарія ставлю я ни во что, потому что они престоловъ своихъ отбыли и на ихъ мѣста поставлены другіе; повинуюсь я константинопольскому патріарху и прочимъ вселенскимъ, которые на престолахъ своихъ». Добродушный государь, какъ мы видѣли, хотѣлъ предать забвенію досадительныя слова Никона и говорилъ, что ихъ и не было. Никонъ не хотѣлъ воспользоваться этимъ заявленіемъ государя. «О томъ, что говорено было на соборѣ, я писалъ правду, снова подтвердилъ прямодушный патріархъ; государю это извѣстно; да и послѣ, при Степанѣ Наумовѣ и присыльщикахъ много разъ я досадительныя слова говорилъ и къ государю писывалъ, въ томъ милости и прощенія прошу; а что великій государь за многія мои досадительства мнѣ не мстилъ, за то великую мзду отъ Бога воспріиметь». По поводу обвиненій въ сношеніяхъ съ мятежными казаками Никонъ объявилъ, что о смутѣ на Вологдѣ и о Разинѣ онъ ничего не знаетъ, троихъ же казаковъ, приходившихъ къ нему, онъ

не велѣлъ схватить потому что «боялся какъ бы смуты не учинить: они сказывали про свое многолюдство, а оборониться отъ нихъ было некъмъ. Къ государю же о казакахъ этихъ я тогда писалъ и архимандриту Іосифу сказывалъ». Относительно пророчествъ своихъ Никонъ счелъ нужнымъ заявить, что онъ говорилъ Стрѣшневу вообще объ имѣющихъ быть бѣдствіяхъ, а не говорилъ именно о смерти царевича и о казацкомъ раззореніи. Въ заключеніе опальный патріархъ просилъ передать его просьбу государю, нельзя ли перевести его изъ Оерапонтова монастыря въ Воскресенскій или Иверскій и дать ему довѣренныхъ людей для услугъ. «Худаго у меня намѣренія нѣтъ, говорилъ Никонъ, да и лѣта мои не малыя, постигло увѣче, а призрѣть меня стало некому; да пожаловалъ бы государь, простилъ всѣхъ, кто наказанъ изъ-за меня»

Послы обѣщали Никону о всѣхъ этихъ просьбахъ доложить государю и испросить указъ, а пока словесно распорядились, чтобы приставъ не дѣлалъ патріарху стѣсненія и позволилъ ему свободный выходъ изъ кельи. Для улучшенія его содержанія они велѣли брать запасы не только съ Кирилловскаго, но и съ другихъ бѣлозерскихъ монастырей — съ Троицкаго, что на устьѣ рѣки Шексны, Новозерскаго и еще съ двухъ вологодскихъ: Спасокаменнаго и Прилуцкаго.

Послы уѣхали. Никонъ, согласно ихъ обѣщанію, сталъ ждать отъ государя указа относительно облегченія своей участи. Проходитъ мѣсяць, а указа все нѣтъ. Въ это время на Москвѣ происходили выборы новаго патріарха на мѣсто умершаго Іоасафа II († 17 февраля 1672) и правительство, конечно, не безъ вліянія недоброжелателей Никона не спѣшило исполненіемъ просьбъ опальнаго патріарха. Прождавъ до марта, Никонъ отправилъ къ государю письмо¹, въ которомъ снова описывалъ бѣдственное положеніе свое въ ссылкѣ, указывалъ на отсутствіе у приставовъ письменныхъ наказовъ относительно надзора за нимъ, вслѣдствіе чего они, какъ напр. Наумовъ, ссылаясь на словесные наказы, часто дѣлали ему обиды и притѣсненія. Теперь онъ совсѣмъ далекъ отъ того настроенія, въ какомъ, бывало, отвергалъ присылаемые царемъ

¹ См. рѣчь посла и отвѣтъ Никона у Соловьева XI, 388 — 390, ср. Николаевскій 89—43.

² Оно сполна приведено у П. Θ. Николаевскаго, 41—46 примѣч.

дары. Напротивъ, онъ самъ просить теперь о томъ, нельзя ли прислать къ нему ту самую милостыню, которую привозилъ ему Стрѣшневъ на поминъ царицы и которую онъ тогда отказался принять. «А что твоя великаго государя милостыня прислана съ Ларіономъ Лопухинымъ и то все изошло, потому долженъ былъ многимъ, а иное олихоимствованнымъ и разореннымъ отъ Степана Наумова съ тѣми подѣлился». Такимъ образомъ, суровыя условія жизни въ концѣ концовъ взяли верхъ надъ непреклоннымъ характеромъ опальнаго патріарха. «А нынѣ я богомолецъ вашъ отъ многія злобы немилостиваго пристава Степана Наумова смирихся до конца, а се за грѣхи мои рука лѣвая больна стала и дѣйствовать нисколько не можетъ, пристроити пити и ясти и принести некому». Старцы, жившіе съ Никономъ опять всѣ разошлись, нѣкоторые — по порученіямъ самого Никона: «со мною остался одинъ черной попъ Варлаамъ, а тотъ попъ слѣпъ (я же около ево ходилъ), и по се число я богомолецъ на себя и на попа хлѣбы пекъ и варилъ самъ... Сотвори Господа ради, великій государь, со мною милость, (вели) служащимъ единому или двумъ послужити нужнымъ нашимъ потребамъ, кто бъ принесъ пити и ясти, да чѣмъ и имъ сытымъ и одѣтымъ быти; а азъ же зѣло изнемогъ отъ многихъ скорбей моихъ, некому ясти сварить... да и церковныхъ людей, съ кѣмъ бы церковный обиходъ исправить, а я нынѣ одинъ не могу исправлять. Господа ради милостивъ буди».

По полученіи этого письма Никона государь тотчасъ же послалъ въ Оерапонтовъ указъ на имя пристава Шайсупова: «дать Никону для службы изъ тутошнихъ работныхъ людей челоуѣкъ двухъ или трехъ, чтобъ у него въ томъ никогда скудости не было». 27 марта царскій указъ былъ полученъ въ Оерапонтовѣ и приставъ сообщилъ о немъ Никону. Никонъ заявилъ, что «ему черныя попъ и дьяконъ не его постриженники ненадобны и въ келью къ себѣ ихъ не возметъ», тутошнихъ работниковъ для услуженія онъ тоже не хочетъ, «потому что, отъ тутошнихъ людей въ кельѣ у него въ денежной его казнѣ и въ судахъ многая поруха чинится и пропажа, и вѣрить здѣшнимъ людямъ будучи у него въ кельѣ не мочно». Онъ просилъ у государя позволенія быть у него «для всякой службы ево же людямъ, которые у него были прежде въ Воскресенскомъ монастырѣ». Тогда государь послалъ въ Оерапонтовъ стряпчаго конюха Степана Веригина

спросить Никона, какихъ именно лицъ онъ желаетъ имѣть при себѣ. Никоноу отвѣчалъ, что онъ теперь не знаетъ, кто изъ его монаховъ и людей живъ, да еслибы и зналъ, то все равно не захотѣлъ бы насильно вводить ихъ въ неволю, потому и нынѣ живущій у него черный попъ Варлаамъ скупается отъ великой нужды и хочетъ идти отъ него. Посылать къ нему, если это угодно государю, нужно только такихъ лицъ, которые сами того пожелаютъ, нужно при этомъ дать имъ средства къ пропитанію, свободу отъ караула и возможность уйти изъ Оерапонтова, когда захотятъ ¹. Желаніе Никона было исполнено: въ іюнѣ «по указу великаго государя» пріѣхали въ Оерапонтовъ «старцы монаха Никона—Олавіантъ съ товарищи самъ четверть» ².

IV.

„Ослаби ми мало, да почію, преже даже не отъиду“.

Изъ письма къ царю п. Никона.

Опальный патріархъ дождался наконецъ облегченія своей участи. Съ лѣта 1672 года наступила лучшая пора его жизни въ Оерапонтовѣ, которая продолжается до времени перевода его въ Кирилловъ монастырь въ 1676 году. Теперь не только жившимъ у Никона старцамъ, но и ему самому разрѣшенъ свободный выходъ изъ кельи. Насидѣвшійся въ заключеніи патріархъ спѣшитъ теперь воспользоваться предоставленной ему свободой. Онъ ходитъ гулять въ окрестностяхъ монастыря, удить рыбу на озерѣ. Для разнообразія, а, можетъ быть, и вслѣдствіе болѣзни ногъ, патріархъ нерѣдко совершаетъ свои прогулки не пѣшкомъ, а верхомъ на лошади. Въ іюнѣ онъ потребовалъ чрезъ пристава, чтобы ему прислали изъ Кириллова монастыря лошадь для верховой ѣзды «добрую съ ходью ступистую, не шараху, не спотыгчиву да сѣдло сафьянное съ приборомъ властелинское доброе на чемъ ему самому ѣздить, и сукна на полный снимальникъ». Изъ Кириллова прислали Никону мерина сѣраго прозвищемъ «щеголь», сафьянное

¹ Николаевскій, 47.

² Чт. Общ. Ист. 160.